

ПРОЧНОЕ ЗВЕНО

Для знатоков русской поэзии XX века величие поэзии Владислава Ходасевича несомненно. Он — классик. Но к самым любимым широким читателям авторов он, пожалуй, не относится. И дело не в сложности восприятия и понимания — стихи Ходасевича по большей части рациональны, прозрачны, классичны. Но картина мира, которая создается в поэзии Ходасевича, слишком некомфортна, неуютна, неромантична. Его поэзия требует внутренней зрелости.

Владислав Фелицианович Ходасевич родился 16 (28) мая 1886 года в Москве. Родители его исповедовали католицизм, были уроженцами Литвы и носителями польской культуры. Этнические корни семьи были сложными. Мать поэта Софья Яковлевна была дочерью Якова Брафмана, публициста еврейского происхождения, перешедшего в православие и написавшего несколько книг, в которых обличались еврейские общинные институты, «эксплуатация» ими христиан и еврейской бедноты.

Эти книги широко использовались в антисемитской пропаганде. Почему-то дочь Брафмана была крещена в католичество и воспитывалась в польской семье. Что касается Фелициана Ивановича, ее мужа, то он был потомком знатной западнорусско-литовской фамилии Масла-Ходасевичей, сперва ополячившейся, затем, уже в XIX веке, обедневшей и утратившей дворянское достоинство.

Своему отцу Ходасевич посвятил в 1928 году стихотворение «Дактили». В описании сына Фелициан Ходасевич — художник, который оставил искусство и «стал купцом», чтобы кормить семью. На самом деле неудачливый и не особо талантливый живописец сперва стал фотографом, потом — торговцем фототоварами. Уже на старости он разорился, выбыл из московского купечества и попытался снова заняться живописью.

Владислав был младшим из шестерых детей «Фелицианов» (так в кругу своих друзей он называл родителей). Родился он очень слабым, болезненным, кормилицы от него отказывались, считая, что мальчик «не жилец». Выкормила и выходила его Елена Кузина, которой он тоже посвятил трогательные стихи. Кормилица воплощала для поэта, «инородца»

по происхождению, связь с Россией и русской культурой. Впрочем, в доме говорили по-русски. Однако благодаря матери Владислав выучил польский язык, с детства прекрасно знал поэзию Мицкевича.

После окончания в 1904 году гимназии Владислав поступил на юридический факультет Московского университета. Диплома он (так же как Гумилев и Манделъштам) так и не получил. Уже к моменту окончания гимназии он писал стихи — еще довольно слабые, отмеченные отчетливым влиянием поэтической школы, еще вызывавшей негодование у консервативных читателей, но уже начинавшей доминировать в русской поэзии — символизма. Еще в гимназические годы он подружился с молодым поэтом Виктором Гофманом, который одно время считался «оруженосцем» вождя московских символистов — Валерия Брюсова. Другом его стал и младший брат мэтра — Александр Брюсов. Так Ходасевич вошел в святая святых московского символизма. С осени 1904 года он становится постоянным посетителем знаменитых брюсовских «сред».

Отношение Ходасевича к Брюсову всегда было сложным. В воспоминаниях Ходасевича создается выразительный и очень неоднозначный образ силь-

ного, волевого, более талантливого как организатор, чем как художник, холодного и самовлюбленного, очень «буржуазного» человека. Но с кем из символистов Ходасевич сошелся по-настоящему — это с Андреем Белым. Друзьями Ходасевича стали также писательница Нина Петровская, пылкая и неуравновешенная роковая женщина символистской Москвы, возлюбленная Брюсова и Андрея Белого, и в особенности — Самуил Викторович Киссин, писавший стихи и прозу под псевдонимом Муни. С последним (странным, мятущимся человеком, обладателем пророческого темперамента и мрачного скептического ума) Ходасевич был неразлучно дружен до самоубийства Муни в 1916 году. Само же Ходасевича 1900-х годов Белый описывает (в годы, когда его дружба с Ходасевичем была уже в прошлом) так: «Жалкий, зеленый, больной, с личиком трупики, с выражением зеленоглазой змеи, мне казался порою юнцом, убежавшим из склепа, где он познакомился уже с червем; вздев пенсне, расчесавши пробориком черные волосы, серый пиджак затянувши на гордую грудку, года удивлял нас умением кусать и себя и других, в этом качестве напоминая скорлупчатого скорпионика».

Первая публикация Ходасевича состоялась в 1905 году в альманахе издательства «Гриф». Основатель этого издательства, Сергей Соколов (псевдоним — Кречетов), законный муж Нины Петровской, был соперником Брюсова во всем — как правило, несчастливый. Однако именно в «Гриф», а не в «Скорпионе», основанном Брюсовым и его другом и меценатом Сергеем Поляковым, вышли главные книги русского символизма — «Стихи о Прекрасной даме» Блока и «Кипарисовый ларец» Анненского. Там же вышла и первая книга Ходасевича — «Молодость» (1908).

Выходу книги предшествовали драматические события в жизни поэта. В 1905 году, неполных девятнадцати лет, он женился на еще более юной Марине Рындиной, эксцентричной красивой девушке из богатой семьи. Два года спустя брак распался: Марина увлеклась Сергеем Маковским, художественным критиком и малозначительным поэтом. Официально развод был оформлен в 1910 году, причем Ходасевич взял «вину» на себя (это на три года лишало его возможности вступить в новый брак).

Стихи «Молодости» отразили эти переживания. Они еще не очень самостоятельны, написаны в обще-

символистской манере, но интонация Ходасевича — строгая, суховатая — уже чувствуется. Настоящим прорывом в зрелую поэтику Ходасевича стало стихотворение «В моей стране», пропитанное истинно сюрреалистическим ужасом и тоской:

<...>

В моей стране — ни зим, ни лет, ни вёсен,
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.
Там круглый год владычествует осень,
Там — серый свет бессолнечных лучей.

Там сеятель бессмысленно, упорно,
Скуля как пес, влачась как вьючный скот,
В родную землю втаптывает зерна —
Отцовских нив безжизненный приплод.

<...>

Расставшись с Мариной, Ходасевич несколько лет зарабатывает скудной журнальной поденщиной и ведет богемный образ жизни. Вечера и ночи он проводит либо в кафе, в обществе Муни, за графином водки или бутылкой коньяка, либо за карточной игрой в Московском литературно-художественном кружке. Денег ни на что другое (включая нормальное питание) часто не хватало. Это времяпровождение

подорвало его и без того очень хрупкое здоровье; у него начинается туберкулезный процесс, и в июне — августе 1911 года он совершает для лечения, путешествие в Италию — на средства старшего брата, известного адвоката Михаила Ходасевича, по возрасту годившегося Владиславу в отцы и в той или иной степени опекавшего его в молодые годы. Живет он сперва в Нерви, со своей тогдашней возлюбленной Евгенией Муратовой, потом, расставшись с Евгенией, переезжает в Венецию. Вскоре после его возвращения в Россию происходит семейная трагедия: в уличном происшествии гибнет Софья Яковлевна Ходасевич, а через несколько недель умирает и Фелициан Иванович.

Находившегося в тяжелой депрессии поэта спасает новая любовь. Анну Ивановну Гренцион, урожденную Чулкову, в течение нескольких лет гражданскую жену Александра Брюсова, давно связывали с Ходасевичем дружеские отношения, постепенно перешедшие в иное качество. В конце 1911 года они начинают жить вместе. Обвенчаться им удастся в 1913 году, после завершения наложенной на Ходасевича епитимьи. Отношения между супругами были в эти годы очень нежными. Владис-

лав Фелицианович очень тепло, почти по-отцовски, относился к сыну Анны Ивановны от первого брака Гарику (Эдгару) и участвовал в его воспитании. Семейную идиллию нарушало лишь безденежье, но вскоре и заработки пришли. Ходасевич в большом количестве переводил польскую и французскую прозу, писал сценки для театра миниатюр «Летучая мышь», составлял хрестоматии. Нашла службу и Анна Ивановна. Наступил краткий момент спокойствия, тихого счастья. В этой обстановке выходит в 1914 году вторая книга Ходасевича — «Счастливый домик».

В начале 1910-х молодые поэты искали освобождения от символистской эстетики. Акмеисты, в частности, шли от символистских «абстракций» к прямому смыслу слов, от образа поэта-«мага» — к культу мастерства, к идее человеческого самоосуществления и человеческой ответственности. Если акмеистический «ремесленный» (пусть в высоком смысле) подход к искусству был Ходасевичу чужд и даже враждебен, если мажорный пафос гумилевской лирики мог его раздражать, то в других отношениях он двигался в сходном направлении. «Счастливый домик» — гимн той простой чело-

веческой жизни, которую отвергали символисты. Одно из центральных стихотворений книги — «Голос Дженни» (1912), написанное в связи с объявленным Брюсовым конкурсом (стихи на темы строк из пушкинской «Песни Дженни»: «А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах»). Ходасевич в конкурсе (среди победителей которого была юная Цветаева) участия не принял, но после его окончания показал Брюсову свою вариацию.

< ... >

Помнишь ли, как просто мы любили,
Как мы были счастливы вдвоем?
Ах, Эдмонд, мне снятся и в могиле
Наша нива, речка, роща, дом!

< ... >

Средь живых ищи живого счастья,
Сей и жни в наследственных полях.
Я тебя земной любила страстью,
Я тебе земных желаю благ.

Другое дело, что эта смиренная идиллия была чужда личности и дару Ходасевича. За приятием «земного счастья» неминуемо следовала антитеза:

<...>

Смешны мне бедные волненья
Любви невинной и простой.
Господь нам не дал примиренья
С своей цветущею землей.

Мы дышим легче и свободней
Не там, где есть сосновый лес,
Но древним мраком преисподней
Иль горним воздухом небес.

Так начался тот спор между двумя правдами — «человеческим» измерением, человеческим счастьем и долгом, и — с другой стороны — устремлением к исключительному и губительному, спор, под знаком которого прошло все зрелое творчество поэта.

Между тем началась война. Ходасевич, как и все, не избежал «патриотического подъема». Его не особо вдохновлял пафос побед и завоеваний — но ему казалось, что война выведет общество из спячки, заставит его отказаться от пустяковых интересов, обратиться к коренному, главному. 15 декабря 1914 он пишет писателю Георгию Чулкову, своему шурину:

«...Все стало серьезнее и спокойнее. Политических сплетен мало, верят им совсем плохо. Москва

покрыта лазаретами. Лечат раненых и жертвуют денег, белья, всяких припасов много, делают это охотно и без вычур. Удивительнее всего, что жертвы эти доходят до тех, кому предназначены. Поэтому дышится в известном смысле приятней и легче, чем это было до войны.

Вопросы пола, Оскар Уайльд и все такое — разом куда-то пропали. Ах, как от этого стало лучше! У ба-рышень милые, простые лица, все они продают цветки, флажки, значки и жетоны в пользу раненых, а не дунканируют. Студенты идут в санитары, тоже торгуют, даже учатся — а не стоят по суткам перед кассой Художественного театра».

Сам Ходасевич призван не был по состоянию здоровья. В 1916 году после травмы у него диагностировали туберкулез позвоночника, и все лето он лечился в Крыму (часть времени — в Коктебеле, в знаменитом доме Максимилиана Волошина, в компании Мандельштама и других людей искусства). В этот период он активно участвует в работе над антологиями поэзии народов Российской империи, которые готовят столичные интеллектуалы. С подстрочника он переводит армянские, латышские, особенно много — еврейские стихи. Внук Якова